

Александра Ушакова

Свет мира: хроники
империи Дарада

Свет Мира .

Александра Ушакова
**Свет мира: хроники
империи Дарада**

«Автор»

2026

Ушакова А. А.

Свет мира: хроники империи Дарада / А. А. Ушакова — «Автор»,
2026 — (Свет Мира .)

В мире, где умирают боги, полукровка Руциус, сын эльфийки и Повелителя Драконов, бежит от погони, подстроенной его мачехой Аталар. Отец погружён в магический сон, трон пустует, и Золотая дракониха жаждет власти. Пройдя через пустыни, демонические земли и болота, где обитают духи умерших, Руциус достигает столицы. Там он встречает своего двойника — творение умирающей матери. Слияние двух существ дарует ему невиданную силу, чтобы сразиться с Аталар, спасти отца и вернуть свет в Империю. Цена победы — часть его души и разбитое сердце возлюбленной.

© Ушакова А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Название: СВЕТ МИРА. БИТВА ЗА ВЛАСТЬ	5
Пролог. Кольцо Тьмы	5
Глава 1: Беглец у стен Вильта	7
Глава 2: Золотое Утро Аталар	12
Глава 3: Тихий Бастион Салатарии	15
Глава 4: Мудрость и Терпение Вальтеры	17
Глава 5: Слезы Маленького Дракона	18
Глава 6: Пробуждение в Вильте	19
Глава 7: Песчаная Ловушка	22
Глава 8: Оазис «Сломанный Зуб» и Прозрение	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Александра Ушакова

Свет мира: хроники империи Дарада

Название: СВЕТ МИРА. БИТВА ЗА ВЛАСТЬ

Часть первая: БЕГЛЕЦ

Пролог. Кольцо Тьмы

Ночь над Вильтом была беспросветной и холодной, как дыхание забвения. Это была не просто тьма — она казалась осязаемой, липкой, словно паутина древнего паука, что сплела свой саван между звёздами. Тучи, тяжелые, словно набухшие свинцом, заслонили небосвод, оставив лишь редкие, рваные клочья мутного лунного света. Эти призрачные лучи скользили по зубчатым стенам города, выхватывая из мрака то угол бастиона, то оскал горгульи на водосточном желобе, и тотчас же гасли, словно боясь задержаться в этом проклятом месте.

С этого утёса, нависшего над тёмной чашей леса, как нос корабля над бездной, столица Империи Драконов — Драгария — казалась россыпью золотых искр на черном бархате. Там, в сердце могущественной державы, сотканной из магии и стали, только что погас величайший свет. Искры эти были обманчивы: они не грели, не дарили надежды, а лишь подчеркивали бездонную черноту ночи, напоминая о хрупкости всего сущего.

Руциус ал'де Граде стоял на краю обрыва, не чувствуя ледяного ветра, рвавшего его бело-снежные волосы. Ветер, казалось, пытался не просто охладить его, а вырвать из него саму память о тепле. В его пальцах, сжатых в бессильном кулаке, пылали кольца — не просто украшения, одно символ власти, а символ власти, древний артефакт рода Драконов. Оно было старше любого из ныне живущих королевств, выкованное в жерле потухшего вулкана, куда, по легендам, упала первая каплю крови бога-творца. Теперь оно светилось не спокойным золотом, а тревожным, пульсирующим багрянцем. Цветом крови. Цветом смерти.

Второе кольцо, рядом с родовым, было парным. Второе носила его невеста, принцесса Елисия, за тридевять земель отсюда, в Магическом Королевстве Сиил. Связь между ними была не просто магической — она была сущностной. Пока Руциус жив, её камень сиял алым. Погаснет его — потухнет и её. «Она сейчас чувствует, — с леденящей ясностью подумал он, ощущая, как сияние камня пульсирует в такт его сердцу. — Чувствует, как этот свет угасает в моей душе».

Ветер принёс с запада запах дыма и далёкие, едва уловимые крики. Погоня не отставала. Он обернулся: в глубине леса мелькали синие всполохи — чешуя стражей-ящеролоудов, посланных его сводным братом Даларом и его матерью, золотой драконихой Аталар. Они шли по пятам, безжалостные и точные, как гончие псы, их запах — смесь серы, железа и древнего, хищного голода — уже пропитал ночной воздух.

«Быстрее, ещё быстрее!» — мысль пронеслась вихрем, заставляя сердце биться в такт копытам его верной виверны. Гирура, существо с телом льва, крыльями ястреба и хвостом скорпиона, фыркнула, её сине-изумрудная чешуя отливала в свете звёзд. Каждая чешуйка была подобна драгоценному камню, вправленному в броню, созданную самой природой. Она чувствовала страх хозяина, его ярость и отчаяние, и её собственное сердце, огромное и горячее, билось в унисон с его страхом. Руциус вскочил в седло, в последний раз глянув на зловещее сияние кольца.

Отец... Дарад, Дракон над Драконами, Повелитель Стихий... мертв.

Мысль была чудовищной, невозможной. Как может умереть бог? Существо, чья жизнь была вплетена в само мироздание, чьё дыхание зажигало звезды? Но факт оставался фактом: священный рубин в сердце Империи, в который была вложена частица души императора, потух. Его огненное дыхание, согревавшее мир тысячелетиями, смолкло. И трон, установленный самими богами, опустел.

Началась Битва за Власть. И для Руциуса, полукровка, сына эльфийской принцессы и Повелителя Драконов, в ней не было места. Его возвращение в столицу было смертным приговором, выписанным собственной семьёй. Он был живым напоминанием о союзе, который многие считали ошибкой, и угрозой для тех, кто мечтал о чистоте крови.

С последним взглядом на багровое кольцо, он швырнул в магический двигатель виверны кристалл чистой энергии — последний, что у него был. Гирура взревела, и этот рев был полон не только ярости, но и боли, и ринулась вперёд, превратившись в синий метеор, рассекающий ночную тьму. Позади оставались лес, погоня и иллюзия безопасности. Впереди лежал Вильт, пограничный город-крепость, первый шаг в лабиринте интриг, где каждый теневой закоулок таил смерть, а каждое зеркало могло оказаться вратами в ловушку.

Ему нужно было добраться туда живым. Нужно было добраться до матери. Потому что если отец мёртв, то лишь она, Салатария, Владычица Лунного Света, могла рассказать ему правду. И помочь открыть Врата Вечности — единственный шанс вернуть того, чья смерть разрывала мироздание на части.

А кольцо на его пальце продолжало светиться зловещим алым, как глаз проснувшегося демона. Оно напоминало не только о смерти отца, но и о другой, невидимой нити, связывающей его с хрупкой брюнеткой в далёкой башне, чьё сердце в эту самую секунду, должно быть, разрывалось от предчувствия беды. Этот свет был маяком надежды для неё и маяком опасности для него.

Глава 1: Беглец у стен Вильта

Город Вильт спал беспокойным, тревожным сном приграничной крепости. Его стены, сложенные из тёмного вулканического базальта, впитывали лунный свет, словно губка, отливая тусклым синеватым металлом. Этот камень помнил осады, забытые даже летописцами, и впитывал в себя не только свет, но и страх, боль и отчаяние погибших у его подножия. На башнях маячили фигуры стражников — грузные огры с дубинами размером с телёнка, чья сила была столь же примитивна, сколь и сокрушительна, и юркие ящеролюды, чьи раздвоенные языки то и дело выскальзывали из пастей, пробуя воздух на вкус, щелкая на своём шипящем наречии, похожем на звон разбитого стекла. Воздух был наполнен запахами сырой земли, дыма из кузниц и далёкого, терпкого аромата хвойных лесов, подступавших к самым стенам, словно армия молчаливых великанов.

Руциус приземлился в двух милях от западных ворот, в небольшой роще призрачных берёз, чья кора, белая как кость, отсвечивала в темноте призрачным, фосфоресцирующим светом. Эти деревья росли только там, где граница между мирами становилась тонкой, и их корни питались не только водой, но и магией. Он выпустил жука-коммуникатора — изящное творение гномьих техномагов, похожее на каплю чёрного янтаря с золотыми прожилками, внутри которой пульсировал крошечный, но невероятно сложный кристалл. Насекомое, жужжа, вспорхнуло и растворилось в ночи, направляясь к эльфийскому дому за городской чертой — тайной резиденции его матери, скрытой заклинаниями, которые никто из людей или ящеров не мог бы заметить.

Пока жук летел, Руциус осмотрелся. Он был молод — ему едва минуло сто лет, что для драконьей крови было юностью, а для эльфийской — расцветом. Сто девяносто семь сантиметров гибкой, мускулистой силы, унаследованной от отца, и изысканной, почти женственной красоты матери. Его кожа, обычно бледная и гладкая, как лепестки лотоса, сейчас местами проступала мелкой жемчужной чешуёй — реакция на стресс и постоянный выброс маны, когда внутренний зверь пытается вырваться на волю. Волосы, белые, как первый иней на горных вершинах, спадали тяжёлыми прядями на плечи, храня слабый аромат лунных цветов, которые росли только в садах его матери. Но самыми примечательными были глаза — золотые, как расплавленное солнце, с вертикальными зрачками, сужавшимися в темноте в тонкие щели. Глаза дракона. Глаза хищника, который видит не только формы, но и саму суть вещей.

Отец часто говорил, что в них отражается весь свет мира. Сейчас в них горел только огонь побега.

Через несколько минут жук вернулся, и из него прозвучал звонкий, чуть взволнованный голос, в котором слышались нотки облегчения и страха:

— Ваше высочество, Милара приветствует вас. На рассвете я принесу документы и артефакты для смены внешности. За большим камнем, похожим на спящего тролля, спрятаны доспехи и походная сумка. И... будьте осторожны. Город наводнён синими ящерами.

«Синие ящеры», — мысленно усмехнулся Руциус. Личная гвардия Аталар, её глаза и уши. Бездушные гибриды драконьей крови и темной магии, идеальные убийцы. Говорили, что их создавали из тел преступников и военнопленных, вываривая в котлах с запретными эликсирами, пока от человека не оставалась лишь послушная воля и жажда убийства. Значит, они уже здесь.

Он активировал талисманы сокрытия — тонкие серебряные нити, вплетённые в одежду, заставили его силуэт расплыться, слиться с тенями и шорохом листьев. Защита была слабой, рассчитанной лишь на случайный взгляд, но лучше, чем ничего. Нашёл камень, очертаниями действительно напоминавший спящего тролля, и выкопал спрятанный свёрток. В нём были лёгкие, но прочные доспехи из мифриловой сетки — каждая ячейка была скреплена рунами

прочности, плащ-невидимка (грубая подделка, работающая лишь против случайных взглядов, сотканная из паутины болотных пауков) и сумка с бесконечным пространством внутри — подарок матери, один из немногих артефактов, способных соперничать с творениями гномов, сшитая из шкуры древнего зверя, что питался самой тканью реальности.

Устроившись под корнями древнего дуба, что помнил ещё основание Империи, Руциус попытался уснуть. Сон приходил отрывками, наполненными кошмарами. Он снова видел библиотеку Академии Техномагии в Сииле, где изучал древние чертежи летающих островов, чертежи, начертанные на листах из металла, который не ржавел. Видел закат, окрашивающий мраморные колонны в багрянец, превращающий их в огромные, окровавленные клыки. Видел, как кольцо на его пальце внезапно вспыхнуло алым адским пламенем, обжигая кожу до кости. Слышал далёкий, ледяной вой — плач драконьих душ по умершему Повелителю, разорвавший тишину Академии.

А потом — голос. Глухой, на грани сознания, но такой родной, пробивающийся сквозь завесу смерти.

«Руциус... Сын мой... Не верь... никому...»

Он вскочил, сердце колотилось, как птица в клетке. Был всё ещё глубокий мрак, но на востоке уже разливалась первая, жидкая синева, предвещающая рассвет. Небо переходило из чернильно-чёрного в цвет потускневшего сапфира. И вместе с рассветом должна была прийти Милара.

Он не видел её раньше. Мать описывала её как верную служанку, «дитя лесов», полуэльфийку с тёмной кожей дриады. Когда из утреннего тумана, клубившегося над землёй, как кисель, вышла закутанная в плащ фигура с корзиной цветов, Руциус насторожился, его рука инстинктивно легла на эфес кинжала. Но девушка, подойдя к условленному дубу, рассыпала у его корней лепестки артиры — небесно-голубого цветка, что растёт только в садах высших эльфов и является их тайным знаком, подтверждающим подлинность послания.

— Я Милара. Приветствую вас, ваше высочество. Свет мира, — её голос был тихим, но твёрдым, как сталь, покрытая бархатом.

Руциус вышел из укрытия. Она оказалась невысокой, тонкой, как тростинка, но в её хрупкости чувствовалась скрытая сила. Сбросив капюшон, она открыла лицо: кожа цвета тёмного шоколада, пшеничные волосы, заплетённые в десятки мелких косичек, украшенных деревянными бусинами, и бойкие, ярко-зелёные глаза лесной нимфы, смотрящие на мир с любопытством и вызовом. «Из низших», — констатировал про себя Руциус. Полукровка, как и он. Но в её жилах текла кровь не драконов, а лесных духов и, возможно, людей. Для аристократии Драгарии она была никем — расходным материалом в большой игре.

— Документы, — сказал он без предисловий, протягивая руку.

Она молча отдала корзину. Внутри, под слоем пахучих трав и свежих цветов, лежала сумка, ножны с изящным кинжалом, чей клинок был покрыт рунами, которые могли зажечься в нужный момент, и маленькая, запечатанная воском коробочка. В коробочке оказались серьги — тонкие, словно паутинка, веточки дриадского дерева с вкраплениями турмалина. Артефакт маскировки, способный менять внешность не хуже, чем личина бога.

А под серьгами — письмо. Не на пергаменте, а на живом лепестке артиры, который не увядал, а тихо пульсировал в такт сердцу отправителя. На нём серебряными чернилами, светящимися в полумраке, сияли слова матери:

«Дорогой мой, кровь моей крови.

Отец уснул сном богов. Его дыхание тихо, сердце бьётся, но разбудить его не может ничто в этом мире. Причина неизвестна, но пахнет предательством. Аталар и её приспешники жаждут власти. Они пытаются открыть Врата Вечности, чтобы погрузить Далара в вечный сон и передать ему силу отца. Я и Иглир держим оборону в Тронном Зале. Но мы слабеем.

Будь осторожен. Доверяй только этому кольцу и своей крови. Твой путь домой будет путём через тень.

Жду. Любящая тебя, Салатария.»

Руциус сжал лепесток в руке. Тот, вспыхнув, обратился в серебристую пыль, которая медленно, словно нехотя, испарилась в утреннем воздухе, оставив лишь слабый аромат лунного света. Больше никаких следов. Мать была осторожна — научена горьким опытом.

— Время менять облик, — сказал он Миларе. — Отвернись.

Надев серьги, он почувствовал, как по его коже пробежала волна щемящего холода, словно тысячи крошечных игл одновременно коснулись его плоти. Это была магия превращения, которая перестраивала не только внешность, но и ауру. Он посмотрел на свои руки: золотистый загар эльфа сменился грязно-оливковым, землистым оттенком жителя болот, вечно недосыпающего и недоедающего. Волосы стали тяжёлыми, чёрно-зелёными, как водоросли в тёмном озере. Оставались глаза. Закрыв веки, Руциус собрал внутреннюю магию, заставив золото радужниц потускнеть, стать мутно-янтарными, глазами уставшего, небогатого торговца, который видел на своём веку лишь преysкуранты да ссоры на рынке.

Теперь он был Тилианом, купцом из дальних болот, ведущим скромную торговлю целебными травами и редкими грибами. Легенда была скудной, но правдоподобной.

— Иди, собери немного трав рядом, — приказал он Миларе, проверяя, как сидит на нём личина. — Потом пойдём к воротам. Мы случайно встретились в лесу, и ты благодарна за помощь и защиту.

Девушка кивнула, её зелёные глаза блеснули пониманием. Она быстро, с профессиональной ловкостью, наполнила корзину мхом, папоротником и несколькими настоящими целебными цветами, которые действительно ценились на рынке. Вместе они двинулись к западным воротам Вильта, туда, где тени сменялись первыми лучами солнца.

У ворот царил утренний суета, хаотичная и шумная. Возницы, ругаясь, нагужали повозки, погонщики кричали на упрямых яков, мохнатых, с загнутыми рогами, пахло навозом, сеном и свежеепечённым хлебом из ближайшей пекарни — запах, который для беглеца казался почти непристойным в своей обыденности. Стражу составляли два ящеролоуда в ржавых латах, чья чешуя была покрыта шрамами, и огр по имени Туго, чья голова почти касалась каменной арки ворот.

— Милара, солнышко! — проревел огр, его маленькие, заплывшие жиром глазки загорелись при виде девушки. — Что это за сопляк с тобой? Если надоел — я мигом брошу его в яму для отбросов! — Его голос, полный басовитой силы, сквозила не только ревность, но и тупая, животная агрессия собственника, привыкшего брать то, что хочет.

Руциус оставался невозмутимым, его лицо под маской выражало лишь смирение мелкого торговца, но внутренне он приготовился к худшему, просчитывая варианты отступления.

— Полно тебе, Туго! — Милара засмеялась, легкомысленно и искусно, её смех был подобен звону ручья. — Мы встретились в лесу, он помог мне, когда напала стая болотных волков. Благодарю вас, господин Тилиан, — она обернулась к Руциусу с преувеличенной почтительностью, а затем снова переключила всё внимание на огра, завлекая его в разговор о последних городских сплетнях и поглаживая его грубую руку.

Пока огр млеял, тая, как снег на солнце, ящеролоуды подошли ближе. Их жёлтые, с вертикальными зрачками глаза, лишённые всякого выражения, изучали Руциуса без интереса, как изучают букашку.

— Цель приезда? — прошипел один, выдыхая запах гниющего мяса и сырой крови.

— Торговля, — спокойно ответил Руциус, протягивая технокарту — плоский кристаллический сланец, на котором магическая гравировка его новой личности мерцала бледно-голубым.

Ящер осмотрел карту, повертел её в чешуйчатых пальцах, тыкнул в неё когтем, оставив магическую метку пропуска, и безучастно махнул рукой.

— Проходи. Не задерживайся.

Ворота с протяжным, леденящим душу скрежетом открылись, впуская их в узкие, извилистые улочки Вильта. Руциус не оборачивался, но спиной чувствовал на себе тяжёлый, подозрительный взгляд огра. Туго что-то заподозрил. Или ему просто не понравилось, как «сопьяк-торгаш» смотрел на «его» девушку.

Город внутри был лабиринтом из тёмного камня и гниющего дерева. Дома лепились друг к другу, создавая крытые переходы и тупики, где солнечный свет был редкостью. Здесь пахло уже не лесом, а дешёвым пивом, кислым человеческим потом, рыбьей чешуёй и чем-то ещё — тёмным, сладковатым и опасным, что застревало в горле и мутило разум. Наркотик «пыльца снов», дикое зелье алхимиков Подгорья, которое вываривали из корней мандрагоры и слёз забытых богов.

Руциус, следуя указаниям матери, вплетённым в его память с детства, направился в трактир «Фагра» в западном квартале. Его содержали эльфы-изгнанники, и для своих он был безопасной гаванью, местом, где стены слышали только то, что им позволяли слышать.

Трактир оказался небольшим, но уютным, как уютной может быть мышеловка. Резные деревянные панели, изображавшие сцены из древних мифов, живые цветы в горшках, которые поливали не простой водой, а слабым магическим раствором для яркости, чистые скатерти, вышитые эльфийскими рунами гостеприимства. В воздухе витал аромат жареного мяса и свежего эля, но под этим запахом чувствовалась тонкая, едва уловимая защитная магия. За стойкой стояла эльфийка лет трёхсот — возраста расцвета — с печальными серыми глазами, хранившими память о потере родины, и серебряными волосами, убранными в строгую косу.

— Доброе утро, дорогой гость. Виверну отведут в стойло. Рекомендую наше фирменное шагалово пиво и жареных кадаров с трюфелями, — её голос был мелодичным, как арфа, но лишённым радости.

— Благодарю, сударыня, — Руциус протянул жетон с эльфийской символикой — знаком для своих. Глаза хозяйки чуть расширились, но она лишь кивнула, не проронив ни слова.

— Комната на одного с питанием для меня и моей виверны.

— С вас три золотых империи.

Руциус заплатил, отсчитав монеты с таким видом, будто расставался с последним, получил ключ — настоящий железный ключ, грубый и тяжёлый, а не магический ключ-призрак — и спросил о гильдии купцов и телепорте.

— Гильдия «Золотой Столб» — на востоке, у Рыночной площади. А телепорт — на северо-востоке, рядом с храмом технобога Жарада. Но будьте осторожны, чужестранец. В последние дни город... нервничает. — В её голосе прозвучало предостережение, которое мог понять только посвящённый.

Он поблагодарил и занял столик в углу, откуда открывался обзор на весь зал. В трактире было несколько посетителей — пара полуэльфов, трое гномов в засаленных кожах и старый человек с лицом, изборождённым шрамами, похожий на отставного солдата. Когда Руциус вошёл, все эльфы и полуэльфы на мгновение замерли, их взгляды скользнули по нему с любопытством, смешанным с инстинктивным страхом. Его замаскированная внешность была безупречна, но инстинкт крови, древний и неосознанный, как зов предков, выдавал в нём Высшее Существо. Для низших рас он был как тигр, вошедший в стадо овец. Тигр в овечьей шкуре, но запах хищника, исходящий от его ауры, никуда не деть.

Он заказал еду и принялся есть, стараясь выглядеть обыденно, делая вид, что сосредоточен на трапезе. Краем глаза заметил, как Милара проскользнула в трактир и заняла столик неподалёку, делая вид, что читает потрёпанную книгу. Она не смотрела на него, но её присутствие было сигналом: она следит, прикрывает его спину.

После обеда он проверил Гируру в стойле — виверна была недовольна тесным помещением, била хвостом о стены, но была здорова. Поднявшись в свою комнату, Руциус обнаружил, что кровать слишком коротка для его роста. Не беда. Он наложил на дверь печати защиты и сокрытия — сложные эльфийские символы, засветившиеся в воздухе, а затем растворившиеся в дереве, как вода впитывается в песок. Любая попытка взлома или прослушки вызовет немой крик в его сознании.

И только тогда, лёжа в темноте на слишком короткой кровати, он позволил себе выдохнуть, расслабить мышцы, которые были напряжены последние дни. Первый этап пройден. Он в городе, под защитой эльфов. Завтра — гильдия, телепорт и путь дальше, в столицу. К матери. К отцу. К разгадке тайны.

Он закрыл глаза, и снова перед ним всплыло видение: багровое кольцо, крик отца, лицо Елисии с глазами, полными слёз... И голос, прорывающийся сквозь толщу сна:

«Руциус... Руциус... Не верь... никому...»

На этот раз голос звучал ближе. И в нём была не только боль, но и леденящий ужас.

Глава 2: Золотое Утро Аталар

Пока Руциус впитывал убогий покой трактирной комнаты, в самом сердце Империи, в чертогах Золотого Дворца, начиналось утро, достойное богини.

Лучи восходящего солнца, преломляясь через кристаллические купола покоев Аталар, рассыпались на тысячи ослепительных зайчиков, превращая воздух в танцующую золотую пыль. Это был не просто свет — это была манифестация власти, застывшая в форме архитектурного излишества. Каждый кристалл в куполе был огранён так, чтобы собрать энергию утра и направить её в центр комнаты, к ложу, создавая вокруг драконихи постоянный, благосклонный к ней ореол рассвета.

Сама Аталар потягивалась на ложе из лепестков огненного шёлка и шкур снежных саблезубов — огромных белых кошек, вымерших в дикой природе тысячелетия назад. Их шкуры, дышащие холодом даже в самый жаркий день, создавали контраст с теплом её тела, что, по её словам, "обостряло чувства". Её тело — воплощение зрелой, опасной женственности — изгибалось с грацией хищницы, готовой к прыжку. Ей шла уже третья тысяча лет, но время, словно замороженное её красотой, оставляло лишь лёгкую патину мудрости в уголках глаз да бесконечную, убаюкивающую силу в каждом движении.

Секрет её вечной молодости был не только в драконьей крови, но и в ритуале, который она соблюдала каждое утро. Три капли крови из её собственного запястья, смешанные с нектаром цветов, что растут только на склонах вулканов, куда не ступала нога смертного, и особым эликсиром, который варили для неё личные алхимики триста лет. Говорили, что в этом эликсире была и кровь невинных дев, но Аталар лишь смеялась над этими слухами, называя их "завистью стареющих королев".

Её кожа была не просто смуглой — она сияла, как отполированное чистое золото, каждый волосок на голове казался тончайшей позолоченной нитью, сотканной из света. Глаза, цвета жидкого янтаря, медленно открылись, отразив весь свет комнаты. В их глубине, за внешним блеском, таился холодный, просчитывающий ум, который пережил падение королевств и возвышение империй.

Аталар улыбнулась, и её улыбка была хищной, сладострастной. Она любила эти первые мгновения дня, когда мир ещё спал, погружённый в невежество и обыденность, а она уже правила им из своей постели. Лениво поднявшись, она позволила слугам — мелким, тщедушным гоблиноидам с блестящими от страха глазами, которые тряслись так сильно, что звенели цепочки на их шеях, — накинуть на её плечи плащ из паутины и лунного света. Паутина была собрана в пещерах, где обитали пауки размером с дом, и обработана так, чтобы стать мягче шёлка, но сохранить способность отражать магические атаки.

Затем она приступила к трапезе. Её завтрак был ритуалом, демонстрацией могущества. Фрукты, выросшие на склонах вулканов, пропитанные магией огня — каждый плод стоил состояния и был способен исцелить любую болезнь, но для неё был просто закуской. Нектар, собранный с цветов, что распускаются раз в столетие, цветов, которые помнили битву богов и чья пыльца могла подарить бессмертие. И ледяная вода из самого сердца ледника, где, по преданиям, спит древний дух зимы — вода, от которой у обычного человека свело бы челюсть, а она пила её с наслаждением, смакуя холод.

Её покой нарушила суета. В покои, семена и поскальзываясь на отполированном мраморе, вбежала синяя ящерка Иид. Её чешуя, обычно отливающая кобальтом, была бледной, почти серой от ужаса. Она пала ниц, уткнув морду в пол, её хвост дрожал, как осиновый лист.

— Госпожа... госпожа... — её шипящий шёпот был полон паники, каждое слово давалось с трудом.

Аталар, не отрываясь от созерцания собственного отражения в золотом подносе, который держал перед ней дрожащий гоблин, протянула: — Говори, Иид. Ты же знаешь, как я не люблю неряшливые новости. Говори чётко, или я вырву твой язык и подарю его моим кухонным демонам.

— Упустили... — выдавила ящерка, её голос сорвался на писк. — Принца... Руциуса. В лесу у Вильта... след оборвался. Маскировка... эльфийская магия... Мы нашли только остатки его запаха, а потом — пустота, будто его и не было.

В воздухе повисла тишина, густая, как смола, тяжёлая, как свинец. Аталар медленно, словно наслаждаясь каждым движением, сложила пальцы. Раздался щелчок — негромкий, но отчётливый, как звук ломающейся кости. Одновременно с этим её рука, превратившаяся в лапу с когтями длиной в кинжал, метнулась вперёд. Удар был стремительным и жестоким, без предупреждения, без тени колебаний. Иид отлетела через всю комнату, врезавшись в мраморную колонну с глухим, влажным стуком, и замерла в позе полной покорности, кровь сочилась из глубокой раны на боку, оставляя на белом мраморе багровые потеки.

— Прескорбно, — томно произнесла Аталар, вновь обретая изящную женскую форму, её лапа снова стала рукой с идеальным маникюром. — Какое прескорбное утро. Прервана сладость покоя столь... ничтожной неудачей. Как муха, жужжащая в спальне, не даёт уснуть.

Её янтарный взгляд упал на дальнюю стену покоев, где за алмазным стеклом, которое не брало ни одно известное заклинание, пульсировала гигантская стела с рубином. Камень, размером с человеческую голову, дышал медленным, глубоким светом, как живое сердце. Вибрации, исходившие от него, были ритмом самой Империи. Ритмом спящего Дарада. Он был не просто артефактом — он был тюрьмой для души и ключом к ней одновременно.

— Вели слугам нести одеяния для прогулки. И разбудите моего сына. Надо навестить наше солнышко, — её голос снова зазвенел сладостью, как патока, но в глубине глаз бушевала буря. Она поднялась, и гоблины бросились к ней с одеждой — платьем из золотой парчи, расшитым рубинами, каждый из которых был зачарован на защиту.

Аталар — сильная мира сего в прямом смысле. Она была рождена в мире Золотых Драконов, за Вратами Вечности, в месте, где законы физики были лишь предложением. Первая дочь своего клана, избалованная и всесильная, она с детства привыкла, что мир вращается вокруг неё. Её благословила сама богиня любви и плодородия Сатил, что подтверждала сияющая печать между её лопатками — три переплетённых колоса, пылающих неземным светом. Это благословение давало ей не только красоту, но и власть над сердцами смертных — никто не мог устоять перед её очарованием, если она того желала.

Переступив порог этого мира тысячу лет назад в качестве невесты-заложницы для скрепления хрупкого мира, она не собиралась довольствоваться ролью одной из жён. Она хотела всего. И столкнулась с конкурентками: холодной, мудрой вампиршей Вльтерой, чья красота была красотой смерти; наивной, но глубокой русалкой Иглир, которая видела мир не так, как другие; прекрасной и чистой эльфийкой Салатарией, чей свет был для Аталар как пощёчина; и — о, боги! — с дикой варваркой Хиритой, которая умерла, оставив после себя лишь щемящую боль в сердце Дарада и бронзового отпрыска, чья кровь была для Аталар оскорблением.

Всех их она ненавидела. Но ненависть к Салатарии и её полукровному сыну была особой, ледяной и выверенной. Руциус, «Свет Мира», как его прозвали льстецы, был живым укором её чистокровному сыну Далару. Он был символом будущего, в котором у её золотой династии могло не оказаться места. Он был напоминанием о том, что любовь может быть сильнее расчёта.

Она вышла на террасу, огибающую Дворец. Отсюда открывался вид на весь Драгарию — город, раскинувшийся в чаше гор, где белые башни эльфов соседствовали с гранитными твердынями гномов, а воздушные мосты, сотканые из чистой маны, пересекали небо между островами, парящими на антигравитационных кристаллах. Но её взгляд искал другое.

На площадке Рыцарей, вырубленной в скале ниже её террасы, грелся в утренних лучах её сын. Далар. Её гордость. Её отражение. Её величайшее произведение искусства, над которым она трудилась тысячу лет.

Он фехтовал с тремя спарринг-партнёрами одновременно — големами из закалённой глины, оживлёнными боевой магией, которые не чувствовали боли, не знали усталости и были запрограммированы убивать. Его движения были стремительны, жестоки и невероятно эффективны. Каждый взмах его тренировочного меча, даже затупленного до безопасного уровня, оставлял в големах глубокие трещины, из которых сочилась магическая энергия. В нём не было изящества Руциуса — только мощь, прямолинейная и сокрушительная, как удар молота. Он был создан для войны, для завоеваний, для того, чтобы сокрушать, а не танцевать.

— Далар, мальчик мой, — позвала Аталар, и её голос мгновенно смягчился, стал воркующим, полным обожания, как у наседки, оберегающей единственного птенца. — Как твоё утро?

Далар, лёгким движением отправляя последнего голема в нокдаун ударом эфеса в «голову», обернулся. Его лицо было копией матери — те же золотые черты, тот же высокий лоб, те же хищные скулы. Но в его глазах не было её тысячелетней мудрости, только пламенная уверенность в своей правоте и жажда её одобрения, горящая в глубине зрачков, как вечный огонь.

— Матушка, доброе утро! Всё чудесно. Немного размялся перед советом, — он подошёл, и Аталар с гордостью отметила его рост — он был выше Руциуса на полголовы, массивнее, плечистее, настоящий дракон в человеческом обличье, воплощение мощи. — Эти големы становятся слишком лёгкой добычей. Нужны живые спарринг-партнёры.

— Дорогой мой, — начала она, ласково поправляя прядь его золотых волос, пахнущих огнём и победой. — Случилась маленькая... неприятность. Руциуса упустили у Вильта. Наши ящеры потеряли его след, как будто он растворился в воздухе.

Лицо Далара на мгновение исказила гримаса гнева — чистой, незамутнённой ярости, но он быстро взял себя в руки, вздохнув, как бык перед атакой. — Значит, эльфийская колдунья вмешалась. Я говорил, матушка, надо было послать не ящеров, а кого-то посерьёзнее. Кого-то из Чёрных клинков. Разреши мне, я сам пойду по его следу...

— Нет, сынок, — мягко, но непреклонно остановила его Аталар. Её голос был тихим, но в нём чувствовалась сталь. — Ты — будущий император. Твои руки должны оставаться чистыми для церемоний, для подписания указов, для того, чтобы держать скипетр. Не волнуйся. Золотой род не упустит своего. Мы найдем эту бледную моль и погасим её свет навсегда. У меня есть и другие охотники, те, кто не оставляет следов.

Она улыбнулась, и в этой улыбке было столько холодной жестокости, что даже Далар, привыкший к её настроениям, слегка вздрогнул. Затем она засмеялась — низкий, бархатный, ужасающий смех, от которого по коже бежали мурашки, а в воздухе, казалось, запахло грозой. Далар подхватил его смех, и их дуэт, полный торжества и злобы, прокатился эхом по террасам дворца. Внизу, в садах и на лестницах, слуги и стражники прижались к земле, стараясь стать невидимыми, раствориться в камне. Они знали: когда смеётся золотая госпожа, скоро прольётся кровь. И никто не знал, чья.

Глава 3: Тихий Бастион Салатарии

Где-то в восточном крыле Дворца, в покоях, наполненных тихим шелестом листьев и журчанием воды, царила иная атмосфера. Здесь воздух был прохладным и влажным, пахло морской солью, влажной землёй и цветущими лианами. Это были апартаменты Салатарии и Иглир, объединившихся против общей угрозы. Две женщины, такие разные, как луна и океан, нашли друг в друге опору.

В центре комнаты находился большой бассейн с чистой водой, в которой мягко покачивались, как актинии, волосы Иглир. Вода была не простой — она была живой, принесённая из подземных источников, где обитали древние духи, и обладала целебными свойствами. Русалка, вторая жена Дарада, была существом хрупкой, подводной красоты. Её кожа отливала нежным зелёным перламутром, словно её тело было покрыто тончайшим слоем рыбьей чешуи, которая переливалась при каждом движении. Волосы были такого же цвета — как водоросли в солнечный день, длинные, густые, они струились по воде, словно живые.

Её лицо сохраняло детскую округлость и наивность, но в глубине глаз, цвета морской волны, таилась древняя печаль всего океана — память о кораблекрушениях, о потерянных душах, о тайнах, которые море никогда не раскрывает. Она была младшей из жён, но её мудрость была мудростью стихии — неспешной, глубокой, всепрощающей.

На краю бассейна, подобная изваянию из лунного света, сидела Салатария. Если Аталар была золотым пожаром, сжигающим всё на своём пути, то Салатария — тихим, ясным сиянием полной луны, которое не сжигает, а освещает путь. Её жемчужная кожа, казалось, светилась изнутри мягким, ровным светом, серебряные волосы струились по плечам живым водопадом, храня в себе аромат лесных трав и ночных цветов. Глаза, фиалкового, почти нереального цвета, были полны боли, но и несгибаемой воли. В их глубине можно было увидеть тени лесов, которые она любила, и отражение звёзд, которые были её путеводителями.

Она была даром эльфов драконам в знак окончания тысячелетней войны — живой символ мира, скреплённый кровью и магией. Но мир, как оказалось, был хрупче, чем казалось, и старые раны вновь начали кровоточить.

Дверь распахнулась, и в комнату вбежала юная Ильдара, дочь Иглир. Её зелёные волосы были растрёпаны, лицо сияло от возбуждения и счастья, на щеках горел румянец.

— Матушка! Тётя! Получилось! Всё получилось! — её звонкий голос, чистый, как горный ручей, наполнил комнату радостью, разогнав тени. — Связь с Миларой установлена! Принц Руциус в безопасности, в Вильте! Да будут благосклонны боги к Свету Мира! Он жив, он добрался до города!

Салатария расцвела улыбкой — первой искренней улыбкой за многие дни, с тех пор как отец закрыл глаза. Эта улыбка была подобна лучу солнца, пробившемуся сквозь тучи. Она обняла Ильдару, прижав к себе, и в этом жесте было столько тепла, что даже Иглир, видевшая многое, почувствовала, как к горлу подступает комок. Затем она протянула руку к бассейну, коснувшись плеча Иглир. Три женщины, такие разные, в этот миг были объединены одной надеждой — надеждой на спасение.

— Да пребудет с тобой свет, сын мой, — прошептала Салатария, глядя вдаль, словно сквозь стены могла видеть своего ребёнка, его лицо, его усталые глаза. — Иди к нам. Мир нуждается в своём Свете. Иди, не останавливайся.

Иглир вышла из воды, её тело мгновенно обсохло, чешуйки на бёдрах и предплечьях сверкнули, как изумруды. Её движения были плавными, как танец волн. — Мы должны держать оборону у Врат, Салатария. Аталар не отступит. Она чувствует свою победу, она уже пробует на вкус власть. Её агенты повсюду, даже среди слуг.

— Она чувствует только свою жадность, — холодно ответила эльфийка, и в её голосе зазвенел металл. — Но мы продержимся. Пока бьётся сердце Дарада, пока дышит его тело, Врата не откроются для её сына. Мы защитим сон мужа. И дождёмся нашего. Я вложила в эту защиту всю свою любовь, а любовь — это сильнейшая магия.

Но в её фиалковых глазах, когда она смотрела на спящее в глубине покоев гигантское тело дракона, лежащее на платформе из живого мрамора, читалась неуверенность. Защита, наложенная ею и её отцом, Тиларием, была мощной, сотканной из древней магии леса и эльфийских рун. Но Аталар не просто дракониха. Она была жрицей чужих богов, и её магия была иной, чуждой, разъедающей, как ржавчина, которую не остановить обычными заклинаниями. И с каждым днём Салатария чувствовала, как её силы тают, как вода уходит в песок.

Глава 4: Мудрость и Терпение Вальтеры

В отличие от золотой лихорадки Аталар и тихой обречённости покоев Салатарии, в демонических кварталах Дворца, где воздух был густым от аромата ладана и старой крови, царили расчёт и холодная наблюдательность. Здесь время текло иначе, подчиняясь ритмам, непонятным смертным.

Вальтера, третья жена, вампирша древнейшего рода, почти ровесница Дарада, сидела в кресле из чёрного дерева, инкрустированного костью. Кресло это было старше, чем некоторые королевства, и помнило хозяев, чьи имена стёрлись из истории. Её покои напоминали склеп готического собора — высокие стрельчатые окна с витражами, изображавшими сцены вечной ночи, где демоны пировали на руинах миров, тяжёлые гобелены, на которых были вытканы сцены охоты на единорогов, тёмное дерево, впитывающее свет.

Сама она была воплощением ночи: кожа бела, как альбатрос, волосы чернее самой глухой беззвёздной тьмы, а глаза — два сверкающих рубина, в которых плескалась кровь тысячелетий. Её благословили демонические боги Тени, и она была их самым верным и хитрым инструментом в мире света. Это благословение давало ей власть над тенями — она могла становиться невидимой, проходить сквозь стены, видеть сны и убивать одним прикосновением.

У её ног, на подушке из чёрного бархата, сидела её дочь Ктора. Юная вампирша была копией матери, но с добавлением драконьей крови: мелкая стальная чешуя украшала её виски и тыльные стороны ладоней, придавая её холодной красоте оттенок опасной экзотики. Она была выкована, как клинок, — острая, смертоносная и прекрасная.

— Ктора, дочь моя, — голос Вальтеры был тихим, шелестящим, как падающие осенние листья, которые ветер несёт к могилам. — Наблюдай и жди. Игра только начинается. Сейчас самый опасный момент — когда все торопятся сделать первый ход.

— Но, мама, — возразила Ктора, её красные глаза сверкнули нетерпением, в них горел огонь молодости. — Если мы не подсуетимся, высшее дворянство, медиаторы из миров людей и эльфов перейдут на сторону Аталар. Её золото и обещания ослепляют их. Они видят только блеск, но не видят цены.

Вальтера позволила себе лёгкую, почти невидимую улыбку, которая не коснулась её глаз. — Не всё, что блестит, — золото, дитя моё. Аталар горит ярко, но быстро. Она делает ставку на грубую силу и открытую конфронтацию. Это её слабость. Она — факел, который сжигает сам себя. Мы же будем действовать из тени. Пусть дерутся золотая и серебряная фракции. Пусть они истощают друг друга, пусть проливают кровь. Мы подождём, пока они выдохнутся. И тогда... — она не договорила, но её взгляд стал таким острым, что Ктора невольно опустила глаза.

Вальтера была мудра. Она пережила смену эпох, падение империй, рождение и смерть богов. Она знала, что настоящая власть — не в том, чтобы сидеть на троне, а в том, чтобы держать нити, ведущие к тому, кто на нём сидит. И она пока не видела в этой игре фигуры, достойной её поддержки. Руциус был слаб своим милосердием, которое она считала пороком. Далар — глуп своей надменностью, которая ослепляла его. Нужно было ждать. Ждать, когда появится третий.

— Займись своими уроками, дочь. Изучи новые свитки из библиотеки демонов. Особенно те, что о древних ритуалах слияния. Нам ещё предстоит долгая ночь, — сказала Вальтера, закрывая глаза и погружаясь в медитацию, в течение которой её сознание сливалось с тенями дворца, подслушивая, подглядывая, собирая информацию, как паук плетёт паутину.

Ктора поклонилась и вышла, её чёрное платье бесшумно скользнуло по каменному полу. Она не любила ждать. Но мать редко ошибалась.

Глава 5: Слёзы Маленького Дракона

В самом скромном, почти заброшенном крыле дворца, в комнатке, заваленной игрушками ручной работы и пахнущей тёплым молоком и шерстью, плакал самый младший принц. Шарит, десятилетний сын Дарада и погибшей варварки Хириты, был комочком горя и одиночества в этом холодном, роскошном дворце.

Его кожа имела тёплый медный оттенок, унаследованный от матери, а на щеках и вдоль позвоночника проступала мелкая, бронзовая чешуя, которая ещё не затвердела, как у взрослых драконов, и была мягкой на ощупь. Сейчас эта чешуя была влажной от слёз, которые он не мог сдержать. Он сжимал в кулачке потрёпанного плюшевого медведя, единственного друга, который никогда не уходил.

— Няня, няня, — всхлипывал он, уткнувшись в мягкий бок своей няни — волчицы-оборотня по имени Лана. — Я больше не увижу папу? Он ведь никогда не просыпается? Он... он умрёт?

Лана, существо суровое, с лицом, изборождённым шрамами былых битв, но бесконечно преданное мальчику и памяти его дикой матери, прижала его к себе. Её серая шерсть была мягкой и тёплой, пахла лесом и осенними листьями. Она облизнула его макушку шершавым языком.

— Не плачьте, лорд, — прошептала она, её голос был хриловатым, с лёгким рычащим подтекстом, но в нём звучала нежность. — Придёт ваш брат. Принц Руциус. Он сильный и умный. Он всё наладит. Вы же помните, он всегда привозил вам сладости из своих путешествий? Пряники в форме драконов, которые светились в темноте?

Шарит кивнул, вытирая лицо рукавом. Он помнил Руциуса. Из всех сводных братьев и сестёр только Руциус и Ильдара никогда не смотрели на него свысока, не называли «полукровкой» или «варварским отродьем». Руциус учил его читать звёзды, показывал простые фокусы с маной, брал с собой в полёты, когда мать не видела. Он был добрым. Но сейчас его не было. А папа спал таким долгим, страшным сном, и никто не мог его разбудить.

— Он придёт, — снова сказал Шарит, больше для самоуверенности, чем из убеждённости. — Он придёт и разбудит папу. И всё будет как раньше. Правда, няня?

Лана грустно улыбнулась, обнажив клыки, и скрыла волнение. Она, как и все слуги, чувствовала, как дворец превращается в пороховую бочку. Интриги витали в воздухе, сплетались в паутину в коридорах и на кухнях, отравляли вино и пищу. И в самом центре этого урагана был этот маленький мальчик, чья единственная вина заключалась в том, что он родился от любви, а не от расчёта.

А в Тронном Зале, под сводами, расписанными фресками сотворения мира, на платформе из чёрного обсидиана лежало гигантское тело Дарада ал'де Граде. Его драконий облик был величественен и ужасен: чешуя цвета закатного огня, переливающаяся от алого до багрового, рога, подобные корням древнего дерева, уходящим в небо, крылья, сложенные как плащ из тёмного бархата, которые когда-то закрывали солнце. Его грудь едва заметно поднималась и опускалась. Он дышал. Но его разум, его огненная душа, была заточена где-то далеко, в лабиринте магического сна, где время текло вспять.

И сквозь этот сон, сквозь пелену забытья, пробивался слабый, настойчивый зов — зов, который не могли заглушить ни чары, ни яды.

«Дарад... Проснись... Наш сын... в опасности...»

Но был ли это голос любви? Или голос ловушки, подстроенной Аталар? Или, может быть, голос его собственной совести, которая наконец прорвалась сквозь тьму?

Глава 6: Пробуждение в Вильте

Руциус проснулся от толчка. Не физического, а магического — такого, какой бывает, когда кто-то проводит пальцем по самой границе твоего сознания. Его защитные печати на двери дрогнули, передав ему сигнал тревоги, и этот сигнал был подобен холодной воде, вылитой на лицо. Кто-то пытался заглянуть внутрь. Не взломать — это было бы слишком грубо, слишком заметно, — а именно заглянуть, сканирующим заклинанием, скользким и тихим, как змея в траве.

Он мгновенно пришёл в себя, рука уже лежала на эфесе кинжала под подушкой. В комнате было темно, лишь слабый сизый свет зари пробивался сквозь щели ставней, рисуя на полу полосы, похожие на тюремную решётку. Печати выдержали, зонд отскочил, растворившись в воздухе, как дым. Но это означало, что его ищут. Уже здесь, в эльфийском трактире, который считался безопасным.

Он подошёл к окну, крадучись, как кошка, и слегка раздвинул ставни. Улица внизу была пустынна, лишь старый дворник-гном подметал мостовую, его борода, седая и длинная, волочилась по булыжникам. Но на крыше дома напротив он уловил движение — тень, слишком плавную, чтобы быть кошкой или птицей, слишком стремительную, чтобы быть случайностью. Синий ящер. Они нашли его убежище.

«Слишком быстро», — подумал он с досадой, чувствуя, как по спине пробежал холодок. Маскировка была безупречной, продуманной до мелочей. Значит, был другой способ. Донос? Магический след, который он не заметил? Или... Милара? Нет, в её поведении не было лжи, её аура была чиста, как горный ручей. Но её могли вычислить через неё, могли проследить за ней от самого леса.

Нужно было менять планы. Телепорт становился ловушкой — там наверняка уже ждали. Гильдия купцов — вероятной засадой, где каждый проходящий торговец мог оказаться шпионом.

Он быстро собрал вещи, проверил серьги-маскировку — они держали заряд, но не бесконечно. Гируру нужно было оставить здесь, под защитой эльфов. Виверна была слишком заметна, слишком привязана к нему магически. Пешком через город к другому выходу, может, к северным воротам, где стража менее бдительна... Нужен отвлекающий манёвр.

Спустившись вниз, он не увидел в общем зале ни души. Тишина была подозрительной, неестественной. Даже кухня, где обычно уже гремели кастрюлями, молчала. Он подошёл к входной двери, обратился к духам защиты, вплетённым в дерево самой хозяйкой-эльфийкой. Древние, сонные сущности, питавшиеся маной этого места, проснулись и по его мысленной просьбе щёлкнули засовом, словно нехотя отпуская добычу. Руциус вышел, и дверь тихо закрылась за ним, снова охраняемая.

Стойло находилось в заднем дворике, заваленном прошлогодними листьями и мусором. Гирура, почуяв его, тихо заурчала, и это урчание было похоже на ворчание большого, добродушного кота. Он погладил её между надбровных дуг, где чешуя была особенно мягкой и тёплой, чувствуя, как под пальцами пульсирует её кровь.

— Всё хорошо, друг. Всё хорошо. Но нам с тобой придётся расстаться ненадолго. Не бойся, я вернусь.

Он достал из сумки «яйцо дрессировки» — гладкий обсидиановый шар с золотыми прожилками, которые пульсировали в такт его сердцу. Артефакт, созданный им самим в Академии, был уникален — внутри него было крошечное измерение, карманная реальность, где время текло медленнее. Направив в него струю маны, он заставил шар раскрыться, излучая мягкий, тёплый свет, похожий на свет очага. Гирура, обученная, нехотя ткнулась мордой в

свет и словно растворилась в нём, уменьшившись до размеров ящерицы и оказавшись внутри сферы, в пространственном кармане, имитирующем её любимое стойло с сеном и водой.

Теперь он был один. Купец Тилиан с сумкой через плечо и кинжалом за голенищем. Он вышел на заднюю улочку, ведущую к базару, где уже начиналось движение. Город начал просыпаться. Открывались ставни с глухим стуком, на улицы выходили торговцы, запахло жареными лепёшками и варёной кукурузой, смешиваясь с запахом навоза и дешёвых духов.

И тут его взгляд упал на афишу, прибитую к стене соседнего дома ржавыми гвоздями. Бумага пожелтела от времени, но буквы были чёткими: «Гильдия наёмников «Стальной Клык». Ищет смелых для охраны каравана на Тивар. Выезд сегодня. Высокая оплата. Требуются: мечники, лучники, маги. Своим ходом. Риск: песчаники, бандиты, джинны».

Тивар. Город песков, перекрёсток миров, где стираются границы между живыми и мёртвыми. Оттуда было рукой подать до столицы по подземным речным путям русалок, если знать нужные проходы. Это был рискованный, окольный путь, долгий и изнурительный. И поэтому, возможно, самый безопасный. Аталар, наверное, ждёт, что он побежит к самому быстрому телепорту, как загнанная лань. Он же пойдёт самым долгим путём — путём, который никто не выберет добровольно.

Купив на базаре лепёшку с мясом, жирную и горячую, он на ходу прожевал её, запивая водой из фляги, которая пахла медью. Затем направился к зданию гильдии «Стальной Клык» — уродливой каменной коробке с вывеской в виде окровавленного клыка, которая нависала над улицей, как хищник над добычей. У входа уже толпился народ: люди в потрёпанной коже, чьи лица были изрезаны шрамами, пара орков с дубинами, размером с небольшие деревья, несколько гномов с топорами, которые точили их прямо на ходу. Все они смотрели на него с откровенным недоверием. Худой эльф-торгаш среди brutальных наёмников выглядел как овца среди волков. Но овцы не носят кинжалы, и волки это чуяли.

Руциус глубоко вздохнул, поправил сумку, ощутив её тяжесть, и вошёл внутрь. Там пахло пивом, потом и металлом — запах мужчин, которые живут войной. За грубым деревянным столом, исцарапанным ножами, сидел седой ветеран с лицом, изборождённым шрамами, и одним глазом, прикрытым повязкой из чёрной кожи. Это был глава гильдии, бывший легионер по прозвищу Горлан. Его единственный глаз, серый, как зимнее небо, оценивающе оглядел Руциуса с ног до головы.

— Нужна работа? — хрипло спросил Горлан, сплюнув на пол. — Караван идёт в Тивар через пески. Охрана. Два золотых авансом, ещё три по прибытии. Риск высокий — песчаники, бандиты, может, даже джинны, если боги будут не на нашей стороне. Ты на что годен, тощий?

— Я согласен, — сказал Руциус, стараясь, чтобы его голос звучал твёрже, чем он себя чувствовал. — Я — травник и немного маг. Могу помогать с лечением и ставить защитные барьеры. И умею обращаться с ножом.

Горлан хмыкнул, его единственный глаз сузился. — Маг? Ну что ж, посмотрим. Лишний маг в песках — это лишний шанс выжить. Подпиши контракт кровью. И помни — если сбежишь или предашь, мы найдём. Даже в аду найдём. У нас есть свои способы.

Руциус кивнул, уколол палец о торчащий из стола гвоздь (символический жест, который здесь, видимо, заменял ритуальный кинжал) и приложил его к магическому контракту, который вспыхнул холодным синим огнём и оставил на его коже едва заметную метку-следопыта — крошечную руну, пульсирующую в такт его сердцу. Теперь он был частью каравана, связанный магией, которую не так-то просто разорвать.

Выйдя из гильдии, он почувствовал, как за спиной нарастает шум. Оглянувшись, он увидел, как к площади перед телепортом мчится отряд синих ящеров — десяток, не меньше. Они что-то кричали на своём шипящем языке, размахивая амулетами, излучающими бледный, мертвенный свет. Очевидно, проверяли всех, кто был хоть немного похож на эльфа. Их амулеты правды раскалились добела, сканируя каждого прохожего.

Руциус отвернулся и затерялся в толпе, сливаясь с серой массой горожан, направляясь к караван-сараяу на окраине, где собирался его новый отряд. Его сердце билось ровно, ум холодно просчитывал риски. Первый шаг был сделан. Теперь начинался долгий путь через пески, под палящим солнцем, навстречу новым опасностям, новым врагам и, возможно, новым союзникам.

И где-то вдалеке, в Магическом Королевстве Сиил, принцесса Елисия, проснувшись от беспокойного сна, инстинктивно схватилась за своё кольцо. Камень по-прежнему горел алым. Но свет его казался ей сегодня чуть более тусклым, более тревожным, с оттенком серого, как закат перед бурей. Она не знала, что её жених только что отдал себя под охрану головорезам и сделал первый шаг в мир, где цена ошибки измерялась не золотом, а кровью. Мир, где битва за власть только начинала раскручивать свои жернова, и эти жернова мололи медленно, но неумолимо.

Глава 7: Песчаная Ловушка

Караван, который должен был вести Руциуса в Тивар, оказался жалким зрелищем даже для выдавшего вида беглеца. Десяток потрёпанных песчаными бурями повозок на массивных колёсах, которые скрипели, как старые кости. Впряжённые в них унылые, шестиногие твари-шагомеры, похожие на помесь верблюда и ящера, сонно пережёвывали колючку и смотрели на мир мутными, равнодушными глазами. И три десятка наёмников, чьи лица выражали лишь усталость и алчность — люди, которые видели слишком много смертей и перестали их бояться. Возглавлял караван сам Горлан, восседавший на грузном скакуне, покрытом боевыми шрамами, которые белели на тёмной коже, как следы от молний.

Руциусу, теперь прочно вошедшему в роль травника Тилиана, определили место в одной из повозок, гружёной бочками с водой и мешками с зерном. Возница, бородатый человек с пропавшим ухом, которое было отрезано, судя по рубцу, небрежным ударом меча, лишь буркнул в ответ на его приветствие и указал на место среди тюков.

Дорога на юг от Вильта быстро сменила хвойные леса, полные жизни и шепота, на холмистую степь, где ветер гулял свободно, а затем уступила место первым, робким дюнам — предвестникам Великой Пустыни Шарр. Песок здесь был ещё желтым, с вкраплениями слюды, которые сверкали на солнце, как осколки зеркал. Воздух стал сухим и колючим, обжигал горло, солнце повесилось на небе медным, безжалостным диском, от которого некуда было спрятаться. Руциус достал из сумки амулет прохлады — маленький кристалл лунного камня в оправе из серебра, подарок матери — и повесил на шею. Прохлада окутала его, как невидимый плащ, но он знал, что это лишь временная защита, отсрочка. Настоящая пустыня испытывала не тело, а душу.

На третий день пути они достигли первых настоящих барханов. Песок здесь был не жёлтым, а почти белым, слепящим, как снег на горных вершинах. Он скрипел под колёсами, забивался в складки одежды, въедался в кожу, смешиваясь с потом. Шагомеры тяжело дышали, высовывая раздвоенные языки, их бока ходили ходуном.

— Быстрее, черти полосатые! — орал Горлан, объезжая караван. Его голос, усиленный магическим рупором, разносился над барханами. — До оазиса «Сломанный зуб» ещё полдня хода! Не хватало нам тут застрять на ночь! Песчанники по ночам охотятся! Они выползают из-под песка, когда спадает жара!

Песчанники. Руциус читал о них в академических фолиантах, в книгах, переплетённых в кожу драконов. Гибриды гигантского червя и головоногого моллюска, способные двигаться под песком с невероятной скоростью и ощущать вибрации за мили. Их щупальца, усеянные хитиновыми крючьями, могли перерубить пополам и лошадь, и повозку, и человека. Пустыня была их царством, их охотничьими угодьями.

Именно тогда его внимание привлекла одна из повозок в центре каравана. Она отличалась от других — её кузов был не деревянным, а кованым из тёмного металла, без единой щели, покрытый рунами, которые слабо светились в тени. И двигалась она не на колёсах, а на магической воздушной подушке, которая, впрочем, буксовала в глубоком песке не меньше остальных. На повозке не было опознавательных знаков, лишь тяжёлый брезентовый полог, скреплённый магическими замками, скрывал её содержимое.

Руциус, пользуясь своей якобы слабостью к «изучению флоры пустыни», подошёл поближе, делая вид, что рассматривает редкий кактус с алыми цветами. Его драконьи чувства, притуплённые маскировкой, всё же уловили исходящую из-под полога вибрацию. Низкую, мощную, полную скрытой ярости и боли. И запах — медный, как кровь, с примесью серы и чего-то древнего, первозданного, что жило в недрах земли ещё до появления богов.

Зигар, — молнией пронеслось в его голове.

Одно из самых опасных существ материального плана. Размером с небольшой дом, покрытое бронёй из каменных пластин, которые не брали обычные мечи, с когтями, способными резать мифрил, и ядовитой до последней клетки плотью. Их считали почти неубиваемыми, ибо даже мёртвое тело Зигара отравляло землю на мили вокруг на столетия, превращая её в выжженную пустыню. Что за безумцы везут этого зверя с собой? И зачем?

Его размышления прервала Гирура. Не физически — её сознание, связанное с ним через яйцо дрессировки, послало всплеск тревоги, острый, как укол иглы. Она чувствовала то, чего не могли уловить люди. Вибрации в песке. Множественные. Сходящиеся со всех сторон.

— Песчаники! — закричал дозорный на одной из повозок, и в его голосе был чистый, незамутнённый ужас, который не спутаешь ни с чем.

Всё произошло за мгновения. Песок в ста шагах от каравана вздыбился, как вода в котле, закипевшая на огне, и из него вырвалось нечто чудовищное. Тело, похожее на гигантского, слизистого червя, сегментированное, с кольцами острых зубов, вращающихся в разные стороны, а вокруг него — десятки щупалец, хлещущих по воздуху с силой, способной сломать кости. Песчаник. И он был не один. Ещё два бугра, два холма из песка, двинулись с флангов, окружая караван.

— Круг! Круг образуй! — ревел Горлан, выхватывая огромный двуручный меч, лезвие которого вспыхнуло синим огнём заклинаний. — Защищайте повозки!

Наёмники бросились выполнять приказ, но было уже поздно. Одно из щупалец, тонкое, как хлыст, и острое, как бритва, пронеслось над головами и впилося в бок шагомера, впряжённого в ту самую металлическую повозку. Животное взревело — звук, полный боли и ужаса, — рухнуло на колени, повозка накренилась. Полог, не выдержав напряжения, сорвался.

И Руциус увидел его.

В металлической клетке, занимающей почти весь кузов, лежал Зигар. Не взрослый, но уже размером с быка, с массивными лапами, которые могли раздавить камень. Его каменная броня была испещрена руническими надписями — заклятиями усыпления и подавления, которые горели тусклым зелёным светом. Существо спало, его бочкообразная грудь медленно вздымалась. Но в момент удара, от боли и падения шагомера, его веко — толстая, полупрозрачная мигательная перепонка — дёрнулось. И в узкую щель блеснул глаз. Не глаз животного. Глаз, полный разума, древней ненависти и... страдания.

Руциус замер. Этот взгляд был знаком. Так смотрели пленённые драконы в старых легендах, которые ему рассказывала мать. Это не просто зверь, — понял он. Его везут не как трофей. Его везут как ключ. Или как оружие.

Но раздумывать было некогда. Песчаник, почуяв лёгкую добычу и свежую кровь, устремился к опрокинутой повозке. Щупальца обвили металлические прутья клетки, начали сжимать их с чудовищной силой, металл заскрипел, руны замерцали, готовые погаснуть.

— Чёрт! — выругался возница той повозки, человек в чёрном, непохожий на наёмника. В его движениях была выучка воина, но одет он был как придворный маг. Он выхватил не меч, а странный жезл с кристаллом на конце, который вспыхнул алым, и начал что-то быстро нашептывать, его губы двигались в неестественном ритме.

Горлан и его люди бросились в атаку, отвлекая монстра. Завязалась хаотичная, кровавая схватка. Руциус видел, как один из наёмников был разрезан пополам щупальцем, как Горлан одним ударом отсек конец другого, и чёрная, едкая кровь брызнула на песок, зашипев, как кислота.

Он не мог использовать свою истинную магию — это мгновенно выдало бы его, и тогда не только ящеры, но и вся пустыня узнала бы, где он. Но и стоять в стороне было смерти подобно. Руциус присел, упёр ладони в раскалённый песок и выпустил тонкую, почти невидимую струю маны — не атаку, а иллюзию, обман, тончайшую паутину обмана. Он создал в

песке рядом с главным телом песчаника мощную вибрацию, имитирующую движение другого крупного существа, его копию, отвлекающий манёвр.

Монстр на мгновение замешкался, развернув свою слепую пасть в ложную сторону, щупальца дёрнулись в пустоту. Этого момента хватило Горлану и ещё двум бойцам, чтобы вогнать закалённые стальные клинки, покрытые ядом, в его уязвимое место — нервный узел за кольцом зубов, пульсирующий тёмной кровью.

Песчаник издал пронзительный, ультразвуковой визг, от которого зазвенело в ушах, и рухнул, обмяк, взметнув тучу песка. Два других, почуввав смерть собрата и, возможно, запах его крови, замедлились, а затем ушли под песок, оставив после себя лишь рябь на поверхности, которая быстро успокоилась.

Наступила тишина, нарушаемая лишь тяжёлым дыханием выживших и стонами раненых. Воздух пах кровью, желчью и страхом — запах, который Руциус знал слишком хорошо.

Горлан, обливаясь потом и чёрной кровью песчаника, которая дымилась на его доспехах, подошёл к металлической повозке. Его единственный глаз сверлил человека в чёрном, который всё ещё сжимал жезл.

— Что за чёртову бестию ты везешь, маг? — прохрипел он. — Это не товар. Это смерть на колёсах. Ты нас всех подставил.

Тот, не опуская жезла, холодно ответил: — Не твоё дело, наёмник. Твоя работа — охранять караван. Ты справился. Неудачно для некоторых твоих людей, но справился. Доплата за риск будет удвоена. А теперь займись своими обязанностями.

Горлан сжал кулаки, его лицо побагровело от гнева, но он кивнул. Он знал, что связываться с придворными магами — себе дороже. Он махнул рукой: — Хоронить своих и грузиться! До оазиса ещё три часа! Живо!

Руциус отошёл в сторону, делая вид, что проверяет свои припасы, перебирая сушёные травы. Его ум лихорадочно работал. Маг в чёрном, таинственный Зигар в клетке... Это была не случайность. Это был кусок пазла, часть большой игры, в которую втянули и его. Игра, где ставки были выше, чем он мог себе представить.

Когда караван снова тронулся в путь, он украдкой наблюдал за запечатанной повозкой. В щели между брезентом и кузовом он ещё раз уловил тот самый взгляд. Глаз Зигара теперь смотрел прямо на него, и в этом взгляде, сквозь боль и сон, читался немой вопрос. Или предупреждение.

*«Кто ты?» — спрашивал взгляд. Друг или враг? Спаситель или палач?
И что ты собираешься делать?»*

Руциус не знал ответа. Но он чувствовал, что пустыня только начала раскрывать свои секреты, и главная опасность была не в песчаниках, а в том, что таилось за решёткой в центре каравана, и в сердцах людей, которые его охраняли.

Глава 8: Оазис «Сломанный Зуб» и Прозрение

Оазис оказался жалкой пародией на спасительный уголок — насмешкой природы над умирающими от жажды путниками. Несколько чахлах пальм, чьи искривлённые стволы напоминали скрюченные пальцы умирающих, окружавших грязный, заиленный водоём, вода в котором отдавала серой и тиной. Да пара глинобитных хижин, брошенных кочевниками, чьи скелеты, вероятно, давно уже покоились на дне этой же самой лужи. Но для измученного каравана, для людей, которые видели смерть в глаза, это был рай — последнее пристанище перед новой битвой.

Пока наёмники разбивали лагерь, лечили раны, перевязывая их грязными тряпками, и наполняли бурдюки мутной водой, которая пахла болотом, Руциус уединился под одной из пальм, делая вид, что сортирует собранные «образцы». На самом деле он прислушивался — всем своим существом, каждым нервом, каждой чешуйкой. Его драконья кровь, пусть и замаскированная, всё ещё позволяла ему слышать то, что недоступно людям.

Маг в чёрном, которого звали Валтор (Руциус услышал это имя, когда один из его помощников обратился к нему), отошёл в сторону со своими двумя спутниками — такими же мрачными личностями в плащах с капюшонами, из-под которых изредка вырывались всполохи тёмной магии. Они что-то горячо, но тихо обсуждали, периодически поглядывая на свою повозку с такой заботой, с какой матери смотрят на больных детей. Руциус, напрягая слух до предела, заставляя свои эльфийские уши работать на грани возможного, уловил обрывки их разговора, слова, которые заставили его кровь похолодеть.

«...кристалл не выдержит ещё одной транспортировки через портал... он трескается...»

«...нужно доставить живым... Аталар приказала... любой ценой... даже если придётся пожертвовать носильщиками...»

«...сердце для ритуала должно биться... оно должно быть горячим... живым... иначе Врата не откроются...»

Аталар. Сердце. Ритуал. Слова сложились в леденящую душу картину, мозаику ужаса, которая обретала форму. Они везли Зигара не как трофей, не как диковинку для зверинца. Они везли его как живой, бьющийся компонент для какого-то тёмного, запретного обряда. И заказчицей была его «любящая» мачеха, женщина, которая когда-то улыбалась ему за ужином.

Руциус сглотнул, чувствуя, как во рту пересохло. Его отец, Дарад, уснул сном, похожим на смерть — сном, от которого не могли пробудить ни целители, ни жрецы. Аталар пыталась открыть Врата Вечности, легендарный портал между мирами, чтобы передать его силу Далару, своему сыну. Для такого ритуала нужна была чудовищная энергия, жизненная сила, сопоставимая с силой бога. Сердце древнего, почти первозданного существа, такого как Зигар, который помнил рождение континентов... оно могло служить катализатором. Или заменой, если что-то пойдёт не так — если связь между отцом и его силой окажется слишком крепкой.

Его охватила ярость. Холодная, тихая ярость дракона, которую не выразить криком. Она клочкотала где-то в груди, за левым ребром, там, где билось его собственное сердце. Он представлял, как это существо, возможно, разумное, имеющее свою историю, свою боль, своих детей, вырвали из его дома, из глубин земли, где он спал мирным сном. Забили в цепи, покрыли рунами подавления и теперь везут на бойню ради власти одной сумасбродной драконихи. Это было противно самой природе — не просто зло, а святотатство.

Но что он мог сделать? Один, замаскированный, с ограниченной маной, которая таяла с каждым часом, против могущественного мага и его охраны, да ещё и наёмников Горлана, которые вряд ли станут на сторону незнакомца против платящего клиента. Он был песчинкой в этой буре, и песчинки не меняют ход урагана.

Нужен был план. И случай.

Случай представился вечером. Горлан, желая сгладить напряжённость после стычки с песчаником и потери двух людей, распорядился выдать двойную порцию вина из своих личных запасов. Вино было кислым, дешёвым, но крепким, и скоро лагерь огласился пьяными песнями и грубым смехом. Даже суровые помощники Валтора, чьи лица под капюшонами были бледны, как смерть, пригубили из своих фляг, и их щёки порозовели. Сам маг сидел в стороне, углубившись в изучение какого-то древнего свитка, покрытого рунами, которые пульсировали слабым светом, но бдительность его, судя по всему, была притуплена усталостью и чувством ложной безопасности, которую даёт пустыня ночью.

Руциус дождался, когда луна, тонкий серебряный серп, поднимется высоко и начнётся смена дозора — момент, когда старые стражи ещё не ушли, а новые ещё не освоились. Затем, накрывшись плащом-невидимкой (который вблизи был лишь размывающим силуэт полотном, сотканным из паутины и теней), он бесшумно подкрался к металлической повозке.

Стражи у неё не было — все считали клетку достаточно прочной, а магические замки — нерушимыми. Руциус прикоснулся к холодному металлу, и тот обжёг пальцы ледяным холодом, который не имел ничего общего с погодой. Это была магия смерти. Руны на прутьях горели тусклым зелёным светом, излучая сонную, подавляющую ауру, которая давила на сознание, вызывая тошноту и головокружение. Это была сложная работа, возможно, гномьего или демонического происхождения, требующая огромной силы и знаний. Взломать её незаметно было невозможно — любое вмешательство вызвало бы сигнал тревоги.

Но он и не собирался её взламывать.

Он положил ладонь на прут рядом с тем местом, где, как он помнил, была голова Зигара — туда, где пульсировала его жизнь. Закрыв глаза, он направил вовне не магию, не заклинание, а... намерение. Чистый, тихий поток мыслей, лишённый слов, но полный образов: сочувствия, понимания, обещания помощи. Он показал ему образ Аталар, её жадность, её золотую улыбку, показал свой собственный истинный облик — дракона-полукровку, бегущего к отцу, такого же пленника в этой игре сильных. Он послал чувство родства — они оба были узниками в этой клетке, только его клеткой была вся Империя.

Сначала не было ничего. Лишь тяжёлое, мерное дыхание за стеной металла, похожее на дыхание спящего вулкана. Потом... отклик. Слабый, едва уловимый, как дуновение ветра в глубоких пещерах, как шёпот камней на заре времён. В его сознании возник образ: не глаза, а целая картина, прожитая жизнь, переданная в одном мгновении. Пещеры глубоко под землёй, где текли реки расплавленного камня, где воздух был горячим и тяжёлым, как дыхание бога. Стая Зигаров, не чудовищ, а древних, мудрых существ, хранителей планетных недр, старше любой расы. Их ритуалы, их песни, их медленная, величественная жизнь. Затем — вторжение. Маги в чёрном, сетки из плетёной тьмы, которые душили, как удавки, боль, сон. И цель — огромный, спящий дракон в горном дворце и золотая самка, что жаждет его силы.

Зигар не просто понимал. Он знал. И делился этим знанием без страха, потому что страх был уже позади.

И в этом потоке Руциус уловил ещё кое-что. Отчаянную, последнюю надежду, которая ещё теплилась в глубине этого древнего сознания. Существо не хотело смерти. Оно хотело вернуться домой, к рекам расплавленного камня, к своей стае. И оно предлагало сделку.

Образ сменился. Теперь Руциус увидел не пещеры, а... схему. Тонкую, ажурную структуру рун на клетке, их магическую анатомию. И в ней — слабое место, уязвимое место, которое создатель не заметил или счёл несущественным. Не в металле, а в магической матрице, в самом узоре подавления. Одна руна, чуть бледнее других, почти незаметная, была ключом — слабым звеном в цепи. Если влить в неё чистую, незамутнённую жизненную силу (не магию, а именно жизнь, сущность живого существа), вся система усыпления даст сбой на несколько мгновений. Достаточно, чтобы проснуться. Не для бегства — клетка физически прочна, её не взломать когтями. А для... изменения правил игры.

Руциус открыл глаза. Его рука дрожала. То, что он задумал, было безумием — отдать часть своей жизни чудовищу, которое могло растерзать его, как только проснётся. Но безумием, пахнущим правдой, единственным шансом.

Он огляделся. Лагерь спал. Костёр догорал, угли тлели багровым. Валтор дремал, склонив голову к груди, его свиток выпал из рук. Руциус быстро, но аккуратно, провёл пальцем по холодному металлу, пока не нашёл ту самую руну — она была слегка теплее других, почти горячей, пульсировала в такт его собственному сердцу. Затем он достал из сумки свой настоящий нож — не маскировочный, а тот, что превращался в меч, выкованный из метеоритного железа его дедом. Прижал лезвие к ладони, глубоко вздохнул и надавил.

Острая боль, затем тепло. Золотая, густая кровь дракона-полукровки, пахнувшая серой и лунным светом, выступила на коже. Он прижал рану к руне, чувствуя, как металл впитывает его жизнь, как губка впитывает воду.

Эффект был мгновенным. Руна вспыхнула ослепительно-белым светом, поглотив золотистую кровь без остатка. По всей клетке пробежала рябь, зелёное свечение рун померкло, поплыло, исказилось, как отражение в мутной воде. Из-под брезента донёсся глубокий, сдавленный вздох, больше похожий на стон освобождения — звук, от которого застыла кровь в жилах.

Руциус отпрянул, зажимая рану обрывком плаща. Он сделал что мог. Остальное было в «руках» самого Зигара. Теперь судьба этого древнего существа, а возможно, и его собственная, зависела от того, как тот распорядится дарованным мгновением свободы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.